
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ

Ю.Д. АРТАМОНОВА, А.Л. ДЕМЧУК *

КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Когнитивная теория метафоры является довольно популярным инструментом российских политологов. Однако ее освоение было достаточно быстрым и недостаточно глубоким, что привело к ряду проблем в современных политических исследованиях. В статье рассматриваются алгоритмы исследования, выработанные в отечественной политической лингвистике, их соотношение с базовыми идеями когнитивной теории метафоры, показывается, с какими проблемами данные исследования сталкиваются, и предлагаются возможные пути решения этих проблем, исходя из ключевых положений когнитивной теории метафоры.

Ключевые слова: когнитивная теория метафор; прототип; категория; гештальт; телесно укоренный разум (embodiedmind); доконцептуальная структура.

* **Артамонова Юлия Дмитриевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: juliaartamonova@yahoo.com.

Демчук Артур Леонович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: arthur@leadnet.ru.

Artamonova Yulia, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: juliaartamonova@yahoo.com.

Demchuk Artur, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: arthur@leadnet.ru.

Yu.D. Artamonova, A.L. Demchuk
**Cognitive metaphor theory in contemporary Russian political science:
Methodological problems**

Abstract. Cognitive metaphor theory is rather popular instrument among Russian political scientists. However its implementation has been rather quick and not deep enough, that led to a number of problems in contemporary political studies. The article deals with algorithms of studies developed in Russian political linguistics and with how they relate to the basic ideas of the cognitive metaphor theory, it demonstrates the problems those studies face, and suggests possible ways of solving these problems from the perspective of the key provisions of the cognitive metaphor theory.

Keywords: cognitive metaphor theory; prototype; category; gestalt; embodied mind; preconceptual structure.

Когнитивная теория метафоры является довольно популярным инструментом российских политологов. Однако ее освоение было достаточно быстрым и недостаточно глубоким, что привело к ряду проблем в современных политических исследованиях.

Действительно, основа теории метафоры – теория категоризации Э. Рош – практически не используется российскими политологами: на фундаментальные работы Э. Рош мало ссылок (сами фундаментальные работы Э. Рош до сих пор не переведены на русский язык), а понятийный аппарат этой теории вообще игнорируется (достаточно указать на то, что принцип прототипирования, который последователи Э. Рош считают ключевым, в прикладных работах российских исследователей отошел на задний план).

Не повезло и идеям ее последователей – Э. Тверски, М. Джонсона, Ж. Фоконье, Дж. Лакоффа и других. Например, несмотря на наличие переводов фундаментальных работ Дж. Лакоффа, ключевой для него тезис: «Идея о том, что метафоры могут творить реальность, вступает в противоречие с большинством традиционных воззрений на метафору. Причина этого заключается в том, что метафора традиционно рассматривалась, скорее, всего лишь как принадлежность языка, а не как средство структурирования понятийной системы и видов повседневной деятельности, которой мы занимаемся. Вполне разумно предположить, что одни лишь слова не меняют реальности. Но изменения в нашей понятийной системе изменяют то, что для нас реально, и влияют на наши представления о мире и поступки, совершаемые в соответст-

вии с ними» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 175] – всегда повторяется, однако при дальнейшем анализе соотносится с действиями иначе, нежели предлагал Дж. Лакофф.

В результате для исследователей уже разрешенные или даже не возникающие в рамках теории категоризации проблемы оказываются сложными, и на их разрешение тратятся усилия.

Поэтому попробуем кратко, при этом систематически воспроизвести ключевые для когнитивной теории метафоры положения; рассмотреть, как они преломляются в исследованиях современной российской политической лингвистики, какие алгоритмы исследования выработаны, как они соотносятся с базовыми идеями когнитивной теории метафоры и с какими проблемами данные исследования сталкиваются. Затем попробуем предложить возможные пути решения этих проблем, опираясь на ключевые положения когнитивной теории метафоры.

Согласно исследованиям Э. Рош [Rosch, 1977], наше сознание оперирует с «образцами», или прототипами. Например, на уровне восприятия цвета (Э. Рош распространяет свое исследование только на домены цвета и формы) мы не оперируем определением «зеленый – это испускающий или отражающий волны такой-то длины», а имеем в виду зеленую траву, зеленое яблоко, зеленый лист дерева и сравниваем с этими объектами предъявляемое нам. Категория внутри неоднородна – есть прототип, или «лучший представитель» данного понятия, а присоединение других «примеров» происходит по принципу «семейного сходства», предложенному Л. Витгенштейном. Категории обладают сложным строением. Э. Рош ставит ряд экспериментов, показывающих существование «лучшего образца», или прототипа цвета. Например, время реагирования при ответе на вопрос «Это зеленое?» при просмотре стопки карточек, на одной стороне которых изображены квадратики разных оттенков зеленого цвета, при предъявлении карточки с «прототипическим» зеленым оказывается короче. Ответ на просьбу назвать относящееся к данной категории обычно начинается с перечисления прототипических образцов. Э. Рош ставит и другие опыты – обучение названиям цветов у детей и племен, у которых этих названий в языке не было, опыты с прайминг-эффектом и некоторые другие.

Дж. Лакофф и другие исследователи распространили идеи Э. Рош на всю нашу понятийную сетку – они полагают, что все

категории устроены также неоднородно и имеют прототип – «лучшего представителя» данного понятия, который мы и имеем в виду, когда высказываемся об объектах и действуем в отношении них. К опытам Э. Рош они добавляют ряд своих, например, одна группа составляет распространенные предложения с именем данной категории (например, птица), вторая – подставляет вместо этого имени имена входящих в данную категорию (вместо слова «птицы» слова «воробей», «индюк», «страус», к примеру), а затем оценивает предложения как «нормальные» или «не очень». В случае предложений «Птицы весело щебечут на ветке», «Птицы дружной стайкой слетаются к рассыпанному корму», «Человек создан для счастья, как птица для полета» при подстановке вместо слова «птица» слов «воробей», «индюк», «страус» соответственно «нормальными» предложения будут только в случае подстановки слова «воробей». Вряд ли автор фразы «Человек создан для счастья, как птица для полета» думал в момент ее создания об индюках, страусах и пингвинах.

Идея прототипов не требует выделения общих свойств, присущих каждому объекту, к которому мы относим данный концепт: «...Мы считаем стульями походные стулья, стулья для стрижки в салонах-парикмахерских и складные стулья не столько потому, что они имеют некий установленный набор тех же определяющих свойств, что и прототип, сколько потому, что у них есть достаточное семейное сходство с прототипом. Складной стул может напоминать прототипический стул чем-то другим, нежели стул для стрижки. Иными словами, нет необходимости постулировать наличие фиксированного ядра свойств прототипического стула, которое было бы общим и для складных стульев, и для стульев для стрижки» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 153].

Этот концепт «стул» – концепт среднего, базового уровня: «Мы располагаем концептами базового уровня не только для объектов, но и для действий и свойств. Такие действия, как бег, ходьба, еда, питье и т.п., относятся к базовому уровню, а движение и глотание – к вышестоящему уровню, тогда как виды ходьбы и питья, скажем, ходьба мелкими шажками или всасывание с шумом – к нижестоящему» [Лакофф, 2004, с. 353].

В роли прототипа выступает доконцептуальная организация опыта, которая затем оформляется в категорию путем метафорических переносов. Например, Дж. Лакофф и М. Джонсон, ссылаясь

на опыты Ж. Пиаже [Пиаже, 2003], следующим путем описывают формирование категории «причинность». Они предполагают, что, бросая игрушки, стаскивая одеяла и т.д., дети структурируют опыт непосредственного взаимодействия с объектами. В данном случае его структурными составляющими будут взаимодействующие объекты, один из которых воздействует на другой (агенса и пациента), при этом у агенса есть план, он предпринимает какие-либо моторные действия, при этом будут различаться сила и возможность данного взаимодействия. Это – прототип непосредственного взаимодействия, который затем метафорически переосмысливается, образуя категорию «причинность». При этом его характеристики воспринимаются вместе как нечто устойчивое – т.е. как гештальт, который люди считают более базовым, чем его составляющие. Поэтому этот прототип одновременно и целостен, и поддается разложению. На похожие на прототип случаи оно распространяется – путем переноса (метафоры), например, когда метафора указывает, что объект возникает из субстанции («Я сложил самолетик из бумаги»). Для Дж. Лакоффа здесь важно, что мы воспринимаем последующий опыт, уже оперируя концептом «причинность», который обладает сложной структурой, связанной с доконцептуальной организацией опыта (опыта непосредственного взаимодействия с предметами) [см.: Лакофф, Джонсон, 2004].

Дж. Лакофф разрабатывает гипотезу о пространственном воплощении формы. Он полагает, что происходит перенос структур из физического пространства опыта в ментальное пространство, как мы видели, например, при анализе категории «причинность». «Образные схемы (структурирующие пространство) отображаются в соответствующие абстрактные конфигурации (которые структурируют понятия). Тем самым гипотеза о Пространственном воплощении Формы говорит о том, что концептуальная структура понимается в терминах образных схем и метафорического переноса» [Лакофф, 2004, с. 369]. Он выделяет следующие типы этих форм: «Категории (в общем случае) понимаются в терминах схемы ВМЕСТИЛИЩЕ. Иерархические структуры понимаются в терминах схем ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ и ВВЕРХ – ВНИЗ. Структуры отношений понимаются в терминах схемы СВЯЗЬ. Радиальные структуры в категориях интерпретируются в терминах схемы ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. Структура «обсуждаемого – предполагаемого» (foreground-backgroundstructure) понимается в терминах схемы

ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА – ЗАДНЯЯ СТОРОНА. Шкалы линейной упорядоченности по количеству понимаются в терминах схем ВВЕРХ – ВНИЗ и ЛИНЕЙНАЯ УПОРЯДОЧЕННОСТЬ» [Лакофф, 2004, с. 367].

В основе схемы «вместилище» – наш телесный опыт: «...Как отмечает Джонсон, мы постоянно воспринимаем наши тела и как вместилища, и как вещи, находящиеся во вместилищах (например, в комнатах)... Как и большинство образных схем, когнитивная схема ВМЕСТИЛИЩЕ по своей внутренней структуре напоминает базовую “логику”. Все расчленяется на то, что находится внутри вместилища, и на то, что находится вне его, – Р или не Р. Если вместилище А находится во вместилище В, а X – в А, то X находится также и в В – это базис для правила модус поненс: если все А есть В и X есть А, тогда X есть В. Как мы увидим ниже, схема ВМЕСТИЛИЩЕ представляет собой основу Булевой логики множеств» [Лакофф, 2004, с. 353]. Эта схема лежит в основе ряда метафор («родственные отношения есть вместилище» – «вступить в брак», например).

Наше знание организуется идеализированными когнитивными моделями, при этом любую идеализированную когнитивную модель (далее – ИКМ) можно представить как категорию, имеющую прототип. ИКМы описываются «как множества пяти основных типов: (а) образно-схематические; (b) пропозициональные; (с) метафорические; (d) метонимические; (е) символические» [Лакофф, 2004, с. 370]. Среди наиболее часто встречающихся типов пропозициональных схем, к примеру, Дж. Лакофф укажет на «(а) пропозицию; (b) сценарий (называемый иногда “скриптом”); (с) пучок признаков; (d) таксономию; (е) радиальную категорию» [Лакофф, 2004, с. 370]. Поэтому прототипы могут представляться и в виде системы пропозиций, и в виде системы изображений и так далее.

Таким образом, анализ Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ж. Фоконье и других требует четкого выделения идеализированной когнитивной модели и представления о ней как множестве определенного типа, имеющего прототип, связанный с непосредственным опытом взаимодействия с миром, а также особый тип строения (относящийся к одному из пяти вышеперечисленных типов, каждый из которых имеет подтипы).

Между тем даже в исследованиях блестящих лингвистов употребляется понятие «метафорическая модель» без должной

рефлексии. Приведем пример исследования И.М. Кобозевой (присим извинения у читателя за длинную цитату, описывающую инструментарий исследования): «1. Поле METAPHOR. В это поле заносится метафорическое выражение в том виде, в каком оно встретилось в тексте (возможно, в измененной грамматической форме), вместе с минимальным контекстом, в котором проявляется его метафоричность (т.е. фокус метафоры вместе со своей рамкой), напр.: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕМЕНТ; 2. Поле SIGNIF_DES. Содержит цепочку сигнификативных дескрипторов, репрезентирующих концепт метафорического выражения в его буквальном понимании и место его в концептуальной иерархии – метафорической модели. В нашем случае понятие «цемента» с его основной коннотацией «связующего вещества» в качестве вида «строительного материала» входит в метафорическую модель «строительство»: цемент / связующее вещество / строительный материал / строительство; 3. Поле DENO_DES. Заполняется цепочкой денотативных дескрипторов, репрезентирующих референт метафоры – сущность или явление, принадлежащее к определенной области политики или многочисленных смежных с ней областей общественной жизни. В нашем случае, как будет ясно из контекста, помещаемого в поле 4, это: идея / идеология / европейская интеграция / ЕС. Соположение записей из 2 и 3 полей дает достаточно очевидную интерпретацию метафоры: некая общая идея должна сыграть в процессе интеграции Евросоюза такую же роль, какую цемент играет при строительстве здания: без такой идеи этот процесс либо вообще остановится, либо интеграция не будет достаточно прочной. 4. Поле EXAMPLE. В данном поле приводится текстовый фрагмент из корпуса, достаточный для выявления сигнификативных и денотативных дескрипторов, иногда весьма пространный, но в нашем случае достаточно короткий: Объединенная Европа в поисках идеологического цемента. Страх перед войной больше не может служить основой для интеграции. Остальные три поля фиксируют дату публикации текста, его источник и автора» [Кобозева, 2001].

Здесь необходимо отметить, во-первых, что ключевыми в метафорической модели являются концепты среднего уровня. Во-вторых, они должны представлять базовый опыт взаимодействия с миром. В-третьих, поскольку они представляют базовый опыт, они обладают определенной структурой; новое понимается

за счет отнесения (переноса, метафоры) к уже структурированному прототипу. Логичнее все-таки представить прототип как прототип, т.е. обладающий сложной структурой при всей своей простоте. Заметим также, что понимание в когнитивной теории метафоры базируется именно на интерактивных характеристиках [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 151].

Отметим также, что категории по Аристотелю – это то, что упорядочивает имена, позволяя строить суждения [Аристотель, 1978]. Ведь Э. Рош спорит с лингвистическим релятивизмом Б. Уорфа (в варианте Р. Брауна и Э. Ленненберга, экспериментально изучавших зависимость цветового восприятия людей от классификации цветов в родных языках) и полагает, вслед за Б. Берлином [Berlin, Kay, 1969], что цветовое восприятие связано с естественной включенностью человека в мир (*embodiedmind*). Дж. Лакофф будет спорить и с лингвистическим релятивизмом, и с объективизмом: «Свойства некоторых категорий представляют собой отражение сущности биологических способностей человека и опыта его функционирования в материальном и социальном окружении. Этот тезис вступает в полное противоречие с идеей о том, что понятия существуют независимо от телесной организации мыслящих существ и независимо от их опыта» [Лакофф, 2004, с. 83]. Тем самым базовая логика когнитивных схем вытекает из их строения. Такой подход к пониманию образных схем неизбежно когнитивен [Лакофф, 2004].

Не менее важен тезис о том, что понимание (определение) подразумевает также знание о том, как действовать в отношении данного объекта. «В рамках стандартного объективистского подхода полное понимание объекта (и тем самым его определение) достижимо на основе сочетания его ингерентных свойств. Но... по крайней мере некоторые свойства, связанные с нашим представлением об объекте, относятся к интерактивным характеристикам. Кроме того, свойства формируют не просто сочетание характеристик, а, скорее, структурированный гештальт, измерения которого естественно возникают из нашего опыта» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 152–153]. Например, безобидное на первый взгляд словосочетание «борьба с инфляцией» помещает такое явление, как инфляция, в рамки давно знакомого нам «соперничества»; автоматическими выводами будут, например, заключения, что инфляция является соперником, оказавшимся на нашей территории и, следо-

вательно, ее можно убрать из жизни; что с инфляцией можно бороться или можно ей потакать и т.д. Тем самым задается шаблон наших возможных действий в отношении нее, который допускает только определенные действия, а ряд действий делает «немыслимыми». Попробуйте, например, отстаивать тезис, что инфляция – естественное явление, и даже в периоды экономического процветания она сохраняется – вы просто не будете услышаны.

То есть в предложенном И.М. Кобозевой примере речь должна идти не о строительстве (это не концепт базового уровня, не очевидно его доконцептуальное ядро; поэтому сложно понять и его структуру, связанную с интерактивными характеристиками), а о процессе стройки здания. В плане структур речь пойдет о создании объекта, прототипом которого является опыт непосредственного взаимодействия; в таком случае важным элементом анализа будет и агент (у агента должен быть план, соответствующая активность в отношении пациента и т.д.; агент, заметим, отвечает за «изменения» в пациенте; в таком случае смысл метафоры «идеологический цемент» будет иным – процесс строительства идет не так, как надо; этот мотив привнесет именно гештальт, стоящий за концептом среднего уровня.

Приведем еще один пример. Рассуждая о метафорических моделях, А.Н. Баранов приводит их примеры: «Общее тематическое поле однородных понятий области источника представляет собой “метафорическую модель” (М-модель). Например, тематическое поле понятий, связанных с военными действиями, армией, образует М-модель Войны; понятия из области родственных отношений формируют М-модель Родственных отношений. По таким же основаниям выделяются М-модели Персонализации, Механизма, Организма, Пути-Дороги (как части М-модели Пространства), Пространства (и Движения как части М-модели Пространства), Погоды, Фауны, Растения-дерева, Медицины, Религии-Мифологии, Театра, Игры и др.». [Баранов, 2004 b, с. 71]. Но в качестве прототипа может использоваться только понятие «среднего уровня» – поэтому, например, «Организм», «Пространство» и «Движение» там попросту невозможны – они не являются опытом нашего первичного непосредственного (телесного) взаимодействия с миром.

Также весьма частой ошибкой исследователей является сведение структуры прототипов к одному возможному типу. Практи-

ческий опыт взаимодействия с предметами может структурироваться по-разному (в виде таксономии, пучка признаков и т.д.). Российские исследователи чаще всего склонны понимать все в модели фреймов. Но сам фрейм после М. Мински, в работах, прежде всего, Р. Шенка, начинает пониматься более детализированно – это не любое структурирование, а именно однотипное структурирование ситуации действия. Вот как описывается фрейм «поездка»: предварительное условие (вы имеете средство передвижения), посадка (вы приводите это средство в движение), центр (вы двигаетесь в пункт назначения); завершение (остановка и оставление транспортного средства), конец (Вы в точке назначения) [Шенк, 1980]. Поэтому, к примеру, на вопрос «Как Вы сюда добрались?» дается понятный собеседнику ответ: «Я взял машину у брата». Можно привести массу других примеров (фрейм «торгового обмена, процесса покупки» и т.д.) [Schank, 1977]. Фрейм – один из возможных видов пропозициональных прототипов, а пропозициональный прототип – один из возможных наряду с образно-схематическим и т.д. Между тем у нас любое структурирование опыта называется фреймом. Например, М.В. Ильин пишет: «В основе фреймов лежат когнитивные схемы. В исходном определении фреймы – это структура знаний для представления однотипной ситуации. Подобное понимание фреймов близко категории фоновых практик, а также фоновых знаний и значений» [Ильин, 2014, с. 130]. Вторит ему и И.М. Кобозева: «Когнитивная операция, происходящая при порождении и понимании метафоры, состоит во взаимодействии двух разных понятийных сфер (ментальных пространств, фреймов), благодаря чему метафоризируемая идея наделяется новыми представлениями и ассоциативными связями, обогащается» [Кобозева, 2001].

Однако такой подход требует соблюдения всех ограничений фрейма как типа идеализированной когнитивной модели. Приведем простой пример – представление ИКМ только как фрейма заставит исключить из нее другие типы – например, метонимию. Не случайно И.М. Кобозева будет подчеркивать: «Если любые тропы, основанные на уподоблении (вплоть до отождествления) онтологически далеких друг от друга феноменов, в рамках политического дискурса целесообразно считать метафорами (в широком смысле), то этого нельзя сказать о тропах, основанных на отношении смежности (метонимии) или части-целого (синекдохи)» [Кобозева, 2001].

Она предполагает, что при этом не происходит приращения значения. Но Дж. Лакофф, например, показывает огромную значимость именно метонимических моделей в политическом дискурсе, когда, к примеру, речь идет о социальных стереотипах («идеальный муж», «политикан») и т.д., когда несколько объектов являются репрезентативными для всего класса, и рассуждения базируются на метонимии. «Стереотипный политик является интриганом, самолюбленным и бесчестным человеком» [Лакофф, 2004, с. 121]. Этот стереотип играет роль прототипа, аналогичную голубю и воробью для категории «птица», и используется в рассуждениях. Можно привести классический пример метонимии как ИКМ – никто не назовет Папу Римского холостяком, хотя, рассуждая логически, это было бы правильно («холостяк» = неженатый мужчина). Однако мы образуем категорию не логически, а прототипически, и в данном случае путем метонимической схемы; поэтому «холостяк» – человек, не желающий связывать себя узами брака, между тем интересующийся женщинами. Это прототип, «репрезентирующий» всю категорию; категория, таким образом, организована метонимически; и именно прототип регулирует производство наших суждений.

Еще одной распространенной ошибкой имплементации теории метафоры в отечественной политической лингвистике является игнорирование интеракционистских свойств прототипа: его структуры – это структуры взаимодействия человека и мира. А.Н. Баранов подчеркивает: «Метафоры используются для категоризации проблемной ситуации и формируют набор альтернатив для решения проблемной ситуации (так, осмысление оппонента в споре как врага в метафоре Войны увеличивает конфликтность общения по сравнению с метафорой Танца, в которой спор воспринимается как совместная деятельность для достижения эстетического эффекта)» [Баранов, 2004 b, с. 71]. Однако использование метафорических моделей, не относящихся к базовому уровню (например, модели организма), не позволяет выделить доконцептуальные структуры, гештальт и тем самым высветить действительные поведенческие стратегии. Автор указывает: «Комплекс Органистических метафор, таких как Растение-дерево, Организм, Культура / Традиция, Природа, указывает на то, что эксперты воспринимают Коррупцию как имманентное, естественное свойство российского социума. Всего в корпусе обнаружилось 64 употребления метафор такого типа –

порядка 15% от всех употреблений... Важнейшее свойство Органистических метафор заключается в том, что Коррупция рассматривается как феномен, не подверженный рациональному вмешательству и способный к саморазвитию» [Баранов, 2004 б, с. 75]. Во-первых, организм – не концепт базового уровня, поэтому стоящий за ним гештальт выявить сложно. Во-вторых, невыявленный гештальт не позволит прочертить возможную схему опыта. В частности, понять, что из «коррупционного» сторонник данной метафоры считает допустимым, какие действия он вообще будет считать относящимися к коррупции и т.д. А ведь инструментарий, предложенный Дж. Лакоффом, М. Джонсоном, Ж. Фоконье и другими, позволяет проводить такой анализ.

А.Н. Баранов предлагает более глубокую стратегию анализа политических метафор, обращаясь уже к уровню метаязыка. «Полное исследование метафорического дискурса с использованием корпусных технологий предполагает, во-первых, сбор представительного корпуса контекстов употребления метафор, во-вторых, разработку метаязыка описания области источника и цели; в-третьих, описание типичных метафорических моделей в смысле дескрипторной теории метафоры, в-четвертых, выявление концептуальных метафор дискурса (в качестве формального параметра для этого может использоваться параметр стабильности денотативных отображений) и, наконец, в-пятых, определение набора М-моделей и концептуальных метафор как дискурсивных практик [Баранов, 2004 а, с. 14–15].

Предложенная А.Н. Барановым стратегия использует неточное понятие «метафорическая модель» (см. выше анализ данного понятия) и, несмотря на глубину и продуктивность данного подхода, провоцирует две вышеназванные ошибки. Повторим: неиспользование концептов «среднего уровня» делает сложным выявление опытных гештальтов, связанных с телесной укорененностью человека в мире и непосредственным взаимодействием с этим миром. Это, в свою очередь, мешает четко очерчивать поле поведенческих стратегий и действий.

Поэтому данный алгоритм нуждается в уточнении именно этих позиций. Его уточненную модель можно представить следующим образом:

– сбор представительного корпуса контекстов употребления метафор;

- выявление метафорических моделей (или описание типичных метафорических моделей в смысле дескрипторной теории метафоры);
- установление доконцептуальных структур и типа непосредственного (физического) опыта взаимодействия с миром, структуры которого определяют гештальт концепта-источника и возможности дальнейшего переноса структур;
- выявление стратегий действий человека при использовании данных метафор (т.е. при таком понимании предмета, феномена, ситуации и т.д.).

Список литературы

- Аристотель. Сочинения в 4 т. – М.: Наука, 1978. – Т. 2. – 684 с.
- Баранов А.Н.* Когнитивная теория метафоры: Почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004 а. – С. 7–21.
- Баранов А.Н.* Метафорические грани феномена коррупции // *Общественные науки и современность* / РАН. ИНИОН. – М., 2004 б. – № 2. – С. 70–79.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. – М.: Псковский и партнеры, 1994. – 330 с.
- Ильин М.В.* Слоеный пирог политики: Порядки, режимы и практики // *Полис: Политические исследования*. – М., 2014. – № 3. – С. 111–134.
- Кобозева И.М.* Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. – Екатеринбург, 2010. – № 2 (32). – С. 41–46.
- Кобозева И.М.* Семантические проблемы анализа политической метафоры // *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. – М., 2001. – № 6. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva/imk-2001-meta.rtf> (Дата посещения: 28.12.2016.)
- Лакофф Дж.* Женщина, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
- Пиаже Ж.* Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – 192 с.
- Россия в поисках идеи: Анализ прессы / Отв. ред. Г. Сатаров. – М., 1997. – 165 с.
- Теория метафоры: Сборник статей / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Н.Д. Арутюнова, М.А. Журинская (ред.). – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
- Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
- Шенк Р.* Обработка концептуальной информации / Пер. с англ. – М.: Энергия, 1980. – 360 с.

- Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики / Пер. с англ. Г.Ю. Левина // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. 24. – 432 с.
- Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution. – Berkeley, Calif.: Univ. of California press, 1969. – 178 p.
- Fauconnier G.* Mental Spaces. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. – 185 p.
- Lakoff G.* Moral politics: How liberals and conservatives think. – Chicago; L.: The univ. of Chicago press, 2002. – 471 p.
- Rosch E.H.* Human categorization // *Studies in Cross-Linguistic Psychology* / Ed. by N. Warren. – L.: Academic Press, 1977. – P. 1–49.
- Schank R.C.* Scripts, plans, goals, and understanding. – N.Y., 1977. – 266 p.